

ВЫСОЧАЙШИЕ ВСТРЕЧИ НИКОЛАЯ II С ФЕЛИКСОМ ФОРОМ (1897) И ЭМИЛЕМ ЛУБЕ (1902) В ФОКУСЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРЕССЫ¹

Статья содержит исследование особенностей освещения высочайших встреч императора Николая II с французскими президентами Ф. Фором (1897) и Э. Лубе (1902) на страницах петербургской прессы. В статье рассматривается, к каким средствам прибегали журналисты, чтобы привлечь внимание читателей; какие моменты торжественных встреч вызывали особый интерес; какой образ России и Франции вырисовывался в свете многочисленных публикаций. Основное внимание уделено анализу статей из двух наиболее информативных периодических изданий — «Нового времени» и «Петербургской газеты». Отдельно рассматривается «раут печати», позволивший раскрыть то, как сами представители прессы позиционировали себя и оценивали собственную деятельность. В результате делается вывод о возможностях отражения и формирования общественного мнения с помощью периодических изданий в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Николай II; Ф. Фор; Э. Лубе; русско-французский союз; пресса; раут печати; общественное мнение.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи периодические издания являлись главным источником информации в городской среде. Их тираж неизменно увеличивался, а влияние распространялось все шире. Если в третьей четверти XIX в. выходило 30–50 тыс. экземпляров наиболее востребованных газет, то к началу XX в. — уже 50–70 тыс., и эти цифры продолжали стремительно расти [7]. Губернские и провинциальные периодические издания часто перепечатывали сведения из столичной прессы, особенно это касалось официальных новостей государственной важности и тех значимых дней, когда в Петербурге происходили имперские торжества, вызывавшие мировой резонанс.

К такого рода событиям относились встречи глав государств на высшем уровне. В конце XIX в. произошла постепенная пере-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20–18–00482.

риентация внешнеполитического курса России в сторону сотрудничества с Францией [6; 8; 10]. Изначально «потепление» отношений не декларировалось официально, но многие «внешние» признаки свидетельствовали о предстоящем сближении еще в правление Александра III: торжественные встречи французских моряков в Кронштадте (1891) и русских — в Тулоне (1893). После вступления на престол императора Николая II в 1894 г. и его «коронационного вояжа» по Европе в 1896 г. разговоры о союзе Российской империи с Французской Республикой стали обретать все более четкие черты. На этом фоне повышенное внимание мировой общественности было приковано ко всем торжественным встречам императора Николая II с представителями французской стороны. В самом конце XIX — начале XX вв. два таких приема прошли в столице Российской империи — Санкт-Петербурге: в 1897 г. с официальным визитом прибыл президент Французской Республики Феликс Фор, в 1902 г. — президент Французской Республики Эмил Лубе. Огромную роль в освещении этих встреч сыграла петербургская пресса.

У каждого периодического издания имелась своя специфика, влияющая на объем, информативность и стиль подачи материала. Так, «Правительственный вестник», ежедневная газета при Главном управлении по делам печати (высшая цензурная инстанция при Министерстве внутренних дел Российской империи), публиковал распоряжения и сообщения правительства, лаконично передавая различные внутренние и зарубежные известия. «Санкт-Петербургские ведомости», также издание консервативного направления, помимо общеимперских новостей, уделяли внимание общественной и столичной жизни. Более подробные и разнообразные зарисовки петербургских будней и праздников можно было прочесть в «Петербургском листке», считавшемся «бульварной» газетой.

Среди многообразия петербургской прессы, представители которой активно подключились к написанию репортажей о визитах французских президентов и чествованию своих коллег, французских журналистов, о чем речь впереди, обращают на себя внимание два периодических издания, наиболее подробно рассказавших о приемах Ф. Фора и Э. Лубе в Петербурге: определяемое как

«большая» газета «Новое время» (издатель — А. С. Суворин) и относящаяся к «малой прессе» «Петербургская газета» (издатель — С. Н. Худеков). «Новое время» за границей называли даже «рупором» Министерства иностранных дел Российской империи, хотя издатель отрицал подобное сотрудничество, ссылаясь на хорошо поставленную работу собственных корреспондентов [9, с. 85]. Как бы то ни было, именно в этих газетах высочайшие встречи были представлены наиболее обстоятельно — с момента зарождения самой идеи их проведения до отзывов иностранных изданий о впечатлениях от состоявшихся визитов.

Сравнение количества и содержательной части статей вышеупомянутых периодических изданий за 1897 г. и 1902 г. позволяет сделать некоторые выводы об особенностях освещения встреч на высшем уровне и выявить общие черты в способах привлечения внимания читателей. В первую очередь речь идет о заблаговременной публикации информации на заданную тематику, чтобы вызвать, а затем поддерживать и увеличивать общественный интерес. В свете заграничных поездок императора Николая II, которые тоже подробно отражались в петербургских газетах, включая перепечатки из европейской прессы, делать это было довольно удобно. В 1896 г., через несколько месяцев после коронации, Николай II совершил поездку по странам Европы [3]. Прием, устроенный ему в Париже, отличался особым размахом и торжественностью. Вскоре после этого в ряде публикаций промелькнули сообщения о возможном ответном визите французского президента Ф. Фора в Россию. И затем, с самого начала 1897 г., петербургская пресса регулярно сообщала все новые и новые подробности о готовящемся приезде — сроки, состав делегации, предполагаемая программа и т. д. Чем ближе была реальная дата встречи, пришедшаяся в итоге на август 1897 г., тем больший поток информации обрушивался на читателей. Статьи становились более объемными, затрагивали совершенно разные сюжеты — от предыстории русско-французского сотрудничества до декорирования городского пространства: «Над невскими мостами взвились сегодня многочисленные русские и французские флаги. Особенно красиво убран Дворцовый мост, украшенный гирляндами из зелени, щитами, городскими гербами,

рисунками и проч. Город заканчивает свое убранство и украшение. Почти все дома украшены флагами, задрапированы цветными материями, коврами и пр. Балконы убраны тропическими растениями, среди которых установлены бюсты Их Величеств и президента г. Фора» [Новое время. 1897. № 7707. С. 3].

Различные материалы могли публиковаться под общими заголовками типа «К пребыванию президента Французской Республики». Подобные статьи по числу и объему превосходили вместе взятые описания двух других встреч этого же года — визита австрийского императора Франца Иосифа (апрель 1897 г.) и визита германского императора Вильгельма II (июль 1897 г.). Ажиотаж постепенно нарастал и достиг небывалых размеров уже непосредственно в дни пребывания президента Французской Республики Феликса Фора в Петербурге. Апогеем всего стало публичное провозглашение императором Николаем II русско-французского союза и реакция на это мировой общественности.

Визит 1902 г. уже изначально готовился как встреча двух союзников. Вспоминалась недавняя встреча императора Николая II с французским президентом Э. Лубе в Компьене (1901). Созданию нужной атмосферы способствовали тематические статьи и описания городских декораций, подчеркивающих «сердечный» характер отношений. Это было и в 1897 г., но теперь стало более определенным, размеренным, ожидаемым. Поток новостей разделился на соответствующие рубрики — «К приезду г. Лубе», «На встречу французской эскадре», «Россия и Франция», «Парадный обед», «Царскосельские тосты», «На улицах столицы», «Франко-русские дни» и т. д. Подробнейшим образом описывались все этапы подготовки и проведения торжеств, включая описание резиденций, в которых останавливался французский гость, его появления на улицах столицы, произнесенные тосты, обмен подарками, впечатления горожан.

Важным моментом являлся «эффект узнаваемости», которого стремились достичь газеты, публиковавшие подробные биографические сведения о французских президентах (включая описания их внешности и характеров) и, конечно же, изображения (на тот момент черно-белые) всех французских высокопоставленных гостей.

В совокупности с соответствующими многочисленными брошюрами («Феликс Фор. Гость Русского Царя и народа», «Приезд Феликса Фора», «Друг России Феликс Фор»; «К приезду дорогого гостя. Добро пожаловать, господин президент!», «Президент Французской Республики Эмиль Лубе» и др.) это позволило лучше узнать французского союзника, постепенно превратив его в настоящего «друга» России [4; 5]. Особенно это удалось в отношении Ф. Фора, неожиданная смерть которого в 1899 г. стала «общим горем» и, соответственно, еще одним поводом напомнить о том, каким хорошим человеком он был и как много усилий приложил для развития русско-французского сотрудничества.

Тема преемственности лейтмотивом звучала во многих публикациях. Помимо уже упоминавшихся поездок Николая II во Францию, вспоминали относительно недавние торжества в Кронштадте и Тулоне, а также могли обращаться к гораздо более ранним историческим событиям, таким как приезд во Францию Анны Ярославны или пребывание там посольства Петра I. В контексте зарождения русско-французского союза происходило неизменное обращение к образу «Царя-Миротворца» Александра III. Наглядными символами «дружбы» служило возведение двух мостов — моста императора Александра III, выстроенного и открытого к Всемирной выставке в Париже, и Новотроицкого моста в Петербурге, в церемонии закладки которого принимал участие французский президент Ф. Фор в ходе своего визита (1897). Оба французских президента, будучи в Петербурге, посетили Петропавловский собор, где почтили память императора Александра III. Фор возложил на его могилу золотую оливковую ветвь, Лубе — золотой меч с рукояткой из слоновой кости. Об этом также можно было узнать из прессы и даже увидеть фотографии.

Поиск точек соприкосновения происходил не только в истории, но и в культуре, литературе, искусстве, в представлениях о двух «великих» нациях, «братских» народах: «<...> именно в чистом своем виде француз для русского привлекателен. Но чем? Простотой, веселостью и душевностью. Французы — гораздо более живая и человеческая нация, обще-человечная, нежели немцы, и русские — тоже мировой народ с крайне универсальными инстинкта-

ми, позывами, надеждами, чаянием, воззрениями» [Новое время. 1902. № 9405. С. 3–4]. Много слов было сказано и о «сердечности», искренности союза со стороны простых людей: «Всемирная история слагается из психологий отдельных личностей и если политическая идея существует в действительности, а не выдумана тонкими сочинителями дипломатической переписки, то вы найдете ее в сердцах простых людей гораздо более глубокой и сильной, чем какой проявляется она в действиях верхнего слоя населения» [Новое время. 1902. № 9398. С. 2].

Эмоциональная компонента большинства статей была, как правило, очень сильной. Она выражалась в прочувствованных речах непосредственных участников, впечатлениях зрителей и в общей атмосфере праздника. Как отмечали газеты, петербуржцы часами простаивали на столичных улицах в ожидании возможности увидеть французских гостей — и высокопоставленных лиц, и офицеров, и моряков. Последних охотно угощали, качали на руках, водили по городу, вместе с ними пели русские и французские песни, в том числе французский гимн, запрещенный к исполнению в Российской империи в обычные дни. Даже печальное событие могло приобрести при таком раскладе особое значение. В ходе торжеств 1897 г. матрос одной из французских эскадр утонул в Петербурге. В результате печальная церемония погребения приняла характер франко-русской манифестации [Новое время. 1897. № 7712. С. 3]. В целом пресса охотно описывала праздничный вид столичного города и радостные настроения обывателей, руководствуясь принципом: «Настроение улицы — истинный показатель чувств народа» [Новое время. 1902. № 9402. С. 3].

Русско-французские торжества превратились в ярчайшие события своего времени: «Незабвенные, великие минуты в политической жизни общества, оставляющие глубокий, неизгладимый след в сердцах всех, кому выпало счастье быть очевидцем и живым свидетелем всей этой грандиозной и трогательной манифестации» [Петербургский листок. 1902. № 122. С. 2]. Буквально на глазах современников творилась история, и у них был шанс стать ее непосредственными участниками. Владельцы газет не могли упустить связанную с этим материальную выгоду. На страницах

изданий широко рекламировалась различная продукция — билеты на частные пароходы для приветствия французов или на трибуны во время высочайшего смотра, памятные медали и значки, флаги, портреты императора и президентов, многочисленные сувениры. Европейцы, конечно, гораздо больше преуспели в изготовлении подобных «сопутствующих» товаров «по особому случаю» [1; 2], но и в Российской империи они постепенно становились все более разнообразными и, главное, востребованными: «Флаги у всех. Вот едут в собственном экипаже три молодых девушки и со всех сторон коляски качаются бумажные флаги, флаги у кучеров в шляпах и в разрезах кафтанов, на дугах у лошадей, и сплошная толпа, движущаяся по панелям Невского, почти вся вооружена теми же флагами, значками, искусственными цветками, составленными из трех национальных русских и французских цветов» [Новое время. 1902. № 9402. С. 3].

Укрепление русско-французских отношений происходило на самых разных уровнях. Свою весомую лепту внесли и представители петербургских периодических изданий. Еще в 1897 г., когда в Петербург приезжали корреспонденты «Temps», «Figaro», «Matin», «Petit Journal», «France», «Moniteur Universel», «Patrie», «Paris» и других французских газет, для столичных гостей был устроен достойный прием. Коллег из Франции снабжали необходимыми сведениями, угощали в ресторанах, им оплатили бесплатный проезд по железным дорогам. Устроенные тогда пунши и банкет оставили хорошие впечатления, а потому в 1902 г. их решено было повторить. Предварительно был создан специальный Комитет по организации праздника под председательством А. С. Суворина («Новое время»), разработавший программу встречи и дальнейших чествований. Участие в обсуждениях и подготовке приняли представители различных изданий — «Петербургская газета», «Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Петербургский листок», «Свет», «Новости», «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» и др.

В результате накануне приезда французского президента Э. Лубе был устроен «пунш», на котором присутствовало более 100 русских и до 40 французских журналистов. А через несколько

дней банкет («раут печати») в честь французских гостей, собравший в общей сложности около 500 человек. Встречи прошли в колоритном ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной улице. В ходе празднований обе стороны обменивались приветственными тостами с пожеланиями.

Примечательную речь произнес С. Н. Худеков, драматург, беллетрист, издатель «Петербургской газеты»: «Во всех курсах географии мы учили, что в Европе существует пять великих держав: Россия, Франция, Германия, Англия и Австрия; но, по моему мнению, тут вкралась ошибка: существует еще шестая держава, с которой однако никто не воюет, а в которой все нуждаются. Пять великих государств имеют в своем распоряжении пушки, ружья, а у шестой державы, на вид самой слабой, одно оружие — перо, которое способствует *выражению общественного мнения*². <...> Здесь собрались представители этой шестой державы — печати. Поднимаю бокал за ее процветание и за ее единение» [Новое время. 1902. № 9400. С. 3]. В этом образном сравнении прозвучал важный посыл самоидентификации журналиста как профессионала своего дела. Рассуждения на этот счет продолжились в «Петербургской газете».

В статье под заглавием «Банкетные впечатления» отмечалось, что «наша печать за последние годы страшно выросла во всех отношениях. Она, очевидно, заслужила *своею службою обществу* симпатии и полное доверие этого общества <...> А ведь еще не так давно мы, труженики пера, считались в известных кругах чуть ли не “неудачниками”, посвятившими себя, якобы, служению гласности только потому, что не нашли или не могли найти себе более “достойной профессии”. <...> Теперь эти презренные дни невежественной тьмы, к счастью, миновали» [Петербургская газета. 1902. № 126. С. 2]. Однозначной была и положительная оценка роли периодических изданий не только в освещении встреч на высшем уровне, но в укреплении отношений между Россией и Францией: «В создании франко-русского союза, в уяснении идеи франко-русской взаимности русский журналист ведь тоже сыграл далеко не последнюю и, во всяком случае, *весьма значительную роль*» [Петербургская газета. 1902. № 126. С. 2].

² Здесь и далее курсив мой — С.Л.

Отклик французских «конфрэров» (как называли их в петербургской прессе) был также весьма теплым. Представитель «Figaro» Гастон Кальметт (Gaston Calmette) произнес «сердечный» ответный тост: «Наш достопочтенный собрат г. Суворин, старейший представитель русской печати, сейчас сказал нам, французской печати: “Любите Россию так, как русская печать любит Францию”. Достопочтенный собрат может быть спокоен: в качестве главного редактора “Figaro” я имею честь от лица всех моих собратьев это удостоверить. Достаточно провести всего один день в вашей чудной стране, испытать лишь пожатие ваших рук, чтобы на вечные времена полюбить дружескую страну и хранить к ней бесконечную привязанность <...> Позвольте же мне от имени всей французской печати провозгласить “ура” в честь нашего друга — русской печати “Ура!”» [Новое время. 1902. № 9400. С. 3]. Журналисты из Франции остались довольны и приемом, и возможностью дальнейшего сотрудничества. Периодические издания Петербурга и Парижа охотно перепечатывали приветственные телеграммы и поздравления в адрес друг для друга.

Общий тон публикаций на тему русско-французских отношений был восторженно-приподнятым. Если и попадалась какая-то критика, то касалась она, скорее, организационных моментов и сводилась к тому, что встретить дорогих гостей можно было еще лучше. Причем даже на страницах одной газеты могли быть озвучены противоположные мнения. Например, в «Петербургской газете» перед встречей французского президента Э. Лубе публиковалась целая серия статей с описанием преображения города и в одной из них сообщалось, что Петербург давно так прекрасно не украшался, со времен торжественного въезда в столицу в 1866 г. принцессы Дагмары — будущей императрицы Марии Федоровны, супруги императора Александра III [Новое время. 1902. № 121]. А уже через несколько номеров появился критический обзор городских украшений. Согласно мнению именитых художников, столь важное дело доверили непрофессионалам, поэтому и результат получился не столь впечатляющим [Новое время. 1902. № 124. С. 4].

Совсем по-другому оценивали встречи на высшем уровне революционеры, которые выражали свои мысли в заграничных или

подпольно распространяемых изданиях. В одной из таких листовок, тираж которых в среднем насчитывал от нескольких десятков до нескольких сотен экземпляров (с появлением подпольных типографий — до 1–3 тыс. экземпляров), приводились разоблачения империалистической политики, построенной на «идеалах грабежа»: «Придается же этим встречам <...> вид наивной искренней сердечной дружбы и внезапно вспыхнувшего взаимного чувства энтузиазма и восторга прекрасными традициями и достоинствами стран, правители которых на глазах всего мира и обмениваются любезностями. Устраиваются торжественные приемы, город украшается флагами, дома иллюминуются, войска дефилируют в парадной амуниции, и привлекается также для необходимой декорации “народ” в виде толпы уличных зевак, которым приказывают кричать “ура!” в честь милого гостя. Произносятся торжественные, прочувствованные речи, государи восторгаются друг другом и достоинствами правимых ими народов, целуются, а продажная европейская пресса умело подхватывает всякое миганье с этой бесстыдно-лицемерной сцены и разносит по миру восторги и славословия неоценимым качествам высокого гостя, славным традициям его династии, доблестям его армии и пр.» Особенное возмущение вызывало русско-французское сближение: «<...> в последнем десятилетии миру представилось чудовищное зрелище, как гордая своим республиканским образом правления и своими свободными традициями Франция преклоняла колени перед неограниченным монархом, злейшим тираном свободы, олицетворением рабства, насилия и произвола — царем русским» [Государственный центральный музей современной истории России. ГИК 2061/49 а, б]. Таким образом, противостоявшие самодержавию силы стремились минимизировать ажиотаж, сопровождавший встречи французских гостей и намеренно поддерживаемый столичной периодической печатью.

Сомнений в силе «шестой державы» не оставалось уже ни у кого. Роль прессы в освещении событий продолжала возрастать. Это было хорошо заметно и в последующие встречи императора Николая II с премьер-министром, а затем президентом Французской Республики Р. Пуанкаре в 1912 г. и 1914 г. Не случайно пришедшие к власти осенью 1917 г. большевики одним из первых

декретов издали декрет «О печати», в котором так и было прописано: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии» [Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 24–25].

Петербургская пресса — как для современников, так и для потомков — стала уникальным источником информации о визитах французских президентов в Российскую империю в 1897 г. и 1902 г. Максимально полно представив основные этапы высочайших торжеств и поделившись с читателями пространными соображениями о целесообразности и «сердечности» русско-французского сближения, публикации в газетах не вышли, однако, за рамки праздничной торжественности и определенных, намеренно заданных сюжетов. Интерес читателей поддерживался благодаря преемственности высочайших встреч, узнаваемости главных действующих лиц, эмоциональной подаче материала, публикациям фотографий с места событий, эксклюзивным сообщениям об интерьерах дворцов, преподнесенных подарках и т.д. Многочисленные статьи вызывали эффект сопричастности и в то же время формировали однозначно позитивный образ русско-французского союза. На обширном и разнообразном материале журналисты не только искали способы отражения общественного мнения (как это декларировалось), но и неизбежно параллельно вырабатывали механизмы возможного влияния на него.

Список литературы

1. Brodier C. L'alliance franco-russe, ou la pérennisation du souvenir des fêtes, 1896–1897 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2019. № 49. P. 43–53.
2. Hamel C. La commémoration de l'alliance franco-russe: La création d'une culture matérielle populaire, 1890–1914. Mémoire de maîtrise. Concordia University, 2016. 138 p.
3. Лиманова С. А. Коронационный вояж Николая II в Европу. По записям камерфурьерского журнала за 1896 г. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1023–1038.
4. Лиманова С. А. Политика имперской «сердечности» на рубеже XIX–XX вв.: сближение с Францией и конструирование образа «друга России» // Электронный научно-образовательный журнал «История».

2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840012991-9-1/> (дата обращения: 08.11.2021).
5. Лиманова С. А. Ответный визит президента Французской Республики Эмиля Лубе и закрепление образа «великого друга» России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840016087-4-1/> (дата обращения: 09.11.2021).
 6. Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. 376 с.
 7. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебное пособие. М., 2003. 238 с.
 8. Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960. 272 с.
 9. Рыбаченок И. С. Визиты Николая II и Феликса Фора (1896–1897 гг.) на страницах газеты «Новое время» // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 12. М., 2017. С. 81–112.
 10. Рыбаченок И. С. Эволюция русско-французского союза 1891–1893 годов в начале XX века // Россия — Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 156–164.

Limanova Svetlana Andreevna,

PhD in History, Senior Scientist Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

THE MEETINGS OF NICHOLAS II WITH FELIX FAURE (1897) AND EMILE LOUBET (1902) AT HIGHEST LEVEL IN FOCUS OF SAINT PETERSBURG PRESS³

The article deals with the press coverage of the meetings at highest level between the emperor Nicholas II and the French presidents Felix Faure (1897) and Emile Loubet (1902) on the pages of Saint Petersburg press. The article is focused on the journalists' methods of attraction the attention of audience, the most interesting moments of the meetings, the image of Russia and France drawn in various articles. Primary focus is paid to the analysis of the most informative periodicals — “Novoe Vremya” and “Peterburgskaya Gazeta”. The particular accent is given on the “press banquet”, which makes possible to

³ The article has been prepared with financial support of the Russian Science Foundation (science project no. № 20–18–00482).

demonstrate the mass media representatives positioning and self-evaluation. As a result, the article gives a conclusion on the reflection and shaping of the public opinion in mass media of the Russian Empire at the turn of the 19–20 centuries.

Keywords: Nicholas II, Felix Faure, Emile Loubet, Franco-Russian Alliance, press, press banquet, public opinion.